

"Скоро мы сможем писать друг другу письма. И вообще, время быстро летит..."

Последнее слово Арсения Рогинского на суде (4 дек 1981 года): о положении историка в СССР

В «последнем слове» я считаю необходимым коснуться некоторых моментов, которые хотя уже и возникали в судебном заседании, но возникали, с моей точки зрения, недостаточно, от случая к случаю. Между тем без ясного о них представления вряд ли возможно дать более или менее объективную и объемную оценку моему «уголовному делу».

Формальные вопросы, например вопрос о том, подпадают ли вменяемые мне в вину поступки под какую-либо статью УК РСФСР, я сейчас затрагивать не буду — здесь моя позиция полностью совпадает с позицией моей защиты.

Равным образом я считаю излишним объяснять мотивы, по которым я воздержался от дачи показаний на следствии и в суде, — такие объяснения неминуемо заставили бы меня высказывать предположения и о причинах моего ареста, и о том, почему против меня были выдвинуты обвинения по 196-й, а не любой другой статье УК, и о многом другом, связанном с механизмом возникновения настоящего процесса.

Не буду я возражать и на обвинительную речь прокурора; логика его рассуждений, система доказательств напоминает мне логику обвинений тех лет, когда он формировался как юрист, т.е. тех лет, когда в советской юриспруденции господствовали идеи тогдашнего генпрокурора СССР Вышинского. Все это увело бы нас далеко в сторону от вопросов куда более важных и для многих, может быть, менее очевидных.

Вопросы эти лежат в основании разбираемого дела и в узком смысле могут быть сведены к проблеме взаимоотношения исследователя и архива, к тому, как попадает исследователь в архив и каковы условия его работы там.

Прежде всего — одно предупреждение. Архив для меня (я, конечно, имею в виду только литературные и исторические архивы) — естественное продолжение библиотеки, а архивные, неопубликованные источники ничем принципиально не отличаются от опубликованных, их можно рассматривать как случайно не опубликованные или пока не опубликованные. Я считаю нужным объяснить это сейчас, потому что среди людей, далеких от исторической науки, мне нередко встречалось немало искренне убежденных в том, что в архивах хранятся обязательно или сверхсекретные, или кого-то, а может быть, что-то порочащие документы. И что поэтому в архив

пускают только избранных, облеченных «особым доверием» и что так и должно быть. Такое представление об архивах, конечно, совершенно ошибочно. Так же как прозвучавшая попытка подразделить документы на более важные или менее важные, более ценные и менее ценные. Каждый документ важен, каждый документ драгоценен как свидетельство нашего прошлого. С необходимостью обращаться к архивам сталкивается каждый серьезный исследователь русского прошлого. И не обязательно профессионал, а часто и любитель, которому неопубликованные документы могут понадобиться и для самостоятельных изысканий, и, например, как подспорье при работе над воспоминаниями. Допустим, какой-нибудь житель города захочет узнать историю своего дома. Он обратится к напечатанному, а потом захочет узнать подробнее в архиве, но как же ему туда попасть? То есть, как же могут они — и профессионал, и любитель — получить доступ к этим документам?

Установления на этот счет более или менее одинаковы во всех хранилищах. Воспользуюсь поэтому находящимися в «деле» «Правилами для читателей ОРиРК ГПБ». Кроме читательского билета в библиотеку, чтобы получить право на занятия в отделе, требуется «ходатайство научных учреждений и организаций, в штате которых исследователь состоит или по заданию которых он работает, с указанием темы занятий». Значит, если вы не состоите в штате какого-либо исследовательского института или вуза и если к тому же эти учреждения не давали вам никаких «заданий» (странный термин «задание» в применении к научному учреждению) — то доступ в архив закрыт для вас. Под эту категорию «не имеющих права» заведомо подпадает большинство историков и филологов с высшим гуманитарным специальным образованием. Что же делать им, работающим в школах, техникумах, экскурсионных бюро, районных библиотеках, технических издательствах? Или — точнее — тем из них, кто после окончания вуза хочет продолжать занятия наукой, если для их исследований необходимо изучение архивных документов.

Тут два выхода: или сразу позабыть об этой необходимости (так, увы, и приходится поступать многим), или попытаться выклянчить (пожалуй, наиболее точное слово) ходатайство для доступа в архив в инстанциях, которые могут такое ходатайство выдать.

Но инстанции эти, как правило, отказывают. «Научные учреждения» — по той причине, что ваша тема не соответствует уже утвержденным его планам, да и почему, собственно говоря, оно должно просить за незнакомого или малознакомого человека, не имеющего к данному учреждению никакого отношения. К вузу, который вы в свое время окончили, вы теперь формально тоже не имеете отношения, и даже если вас там помнят и сочувствуют вашему положению — и думать нечего получить ходатайство оттуда.

Остаются, правда, редакции. Но в специальных, академических редакциях действуют те же пружины, что и в «научных учреждениях». А популярным изданиям ваша тема, скорее всего, неинтересна: она для них либо неактуальна, либо слишком академична. И только изредка среди ответственных сотрудников таких редакций вам повезет встретить человека вроде, например, ныне покойного заведующего отделом «Невы» В.Н. Кривцова (мне дорога его память) — т.е. человека, интересующегося историей широко и бескорыстно, а не применительно к планам своего журнала, и который, может быть, даже захочет вам как-нибудь, на свой страх и риск, помочь. Но это — везение, а обычно вам отвечают, что соответствующим (историческим или историко-литературным) материалом редакция «обеспечена надолго вперед» (есть и такая формула у редакции). И пройдя весь этот круг, испытав при этом массу малоприятных ощущений, вы вновь оказываетесь перед выбором: или оставить мысль об архивах и обойтись опубликованными источниками, или бросить свою старую тему и начать новую, более соответствующую планам «научных учреждений», или прибегнуть к окольным путям, чтобы все-таки выполнить поставленную перед собой задачу.

Например, попытаться получить ходатайство по теме, которая интересует какую-нибудь редакцию, и действительно этой темой заняться, надеясь параллельно познакомиться в архиве хотя бы с частью материала по вашей собственной теме. Я знаю многих людей, которые, интересуясь Гумилевым, занимаются Блоком, а интересуясь Катковым — занимаются Чернышевским. Конечно, такой способ сильно тормозит ваше исследование, но все же не исключено, что рано или поздно вам удастся его закончить. Ну а если и окольные пути не помогли, если вам не удалось завязать никаких отношений с «научными учреждениями», журналами, издательствами? Тогда вы оказываетесь в тупике.

Я сейчас говорил о таких, как я, т.е. получивших высшее гуманитарное образование и, может быть,

даже успевших в студенческие годы напечатать одну-две небольших статьи. Им все-таки удается иногда обосновать свое стремление попасть в архив. А как быть человеку, у которого специального образования нет или — хуже того — у которого вообще нет никакого диплома? А занимается он между тем той же русской историей и знает ее, бывает, не хуже специалистов. И не для того ему нужны архивные материалы, чтобы писать диссертацию или статью в какой-нибудь журнал, а «просто так», чтобы прояснить что-то для себя. Пожалуй что шансов попасть в архив у такого человека нет никаких.

Но, предположим, ходатайство вы получили, и работа в архиве вам разрешена. Значит ли это, что теперь вам удастся изучить все необходимые документы? К сожалению, нет. В цитированных уже мною «Правилах» говорится: «Рукописи не выдаются в случаях несоответствия их теме, над которой работает исследователь». Реализуется этот пункт так: каждое поданное вами требование рассматривается кем-либо из руководства архива, кто и решает — то ли на основании неведомых вам инструкций, то ли по собственному разумению, — выдать вам или нет просимый документ. В моей архивной практике были, наверное, сотни случаев, когда мне отказывали в выдаче материалов.

Приведу пример. В первые годы после университета я собирался писать (и даже отчасти написал) диссертацию о Н.М. Карамзине как теоретике русского консерватизма. Для работы мне нужны были не только бумаги Карамзина, но и целый ряд других материалов: и документы, характеризующие внутреннюю политику Александра I, и масонские трактаты, и рукописи самого Карамзина, и следственные дела декабристов, и переписка современников. Мог ли я получить все это по ходатайству, где указана тема «Политические и общественные воззрения Н.М. Карамзина»? Конечно, нет. Многое (например, рукописи самого Карамзина) мне выдавали беспрепятственно, а со многими происходил затор. Стандартные ответы «не соответствует теме» или «в документе нет сведений об интересующем вас лице» и т.п. не могли меня удовлетворить, как не удовлетворили бы ни одного здравомыслящего специалиста. Есть или нет — мог решить только я и только после знакомства с документом, ведь иногда самые, казалось бы, косвенные данные могут натолкнуть на мысль, которая становится центральной в работе. Я спорил, доказывал свою правоту, но обычно без результатов. Ведь формально эти материалы действительно не были связаны с Карамзиным. Из этого положения можно было попытаться выйти двумя способами: либо получить ходатайство по каждой отдельной теме (отдельно по масонству, отдельно по декабристам, отдельно по внутренней политике), либо по одной теме, но сформулированной так широко, что под нее подпадало бы большинство нужных мне материалов. Но какое учреждение решилось бы дать мне ходатайство по нескольким темам — спасибо, что по одной-то дали! А со слишком широкой темой (например, «Карамзин и его время») могли просто в архив не пустить. На такие темы не косятся разве что у докторов наук. Значит — снова тупик.

Справедливости ради надо признать, что в случае с Карамзиным мое положение было еще сравнительно благополучным — большинство просимого, мне все-таки выдавали. Куда хуже пришлось бы мне, если бы я специализировался на более поздней эпохе, опубликованных источников по которой гораздо меньше и, следовательно, нужда в архивах гораздо больше. Мне пришлось бы постоянно сталкиваться не только с невыдачей отдельных документов, но и с недоступностью целых фондов, целых корпусов материалов. Опять приведу пример из собственной практики — кстати, он косвенно отражен и в деле.

К 1980-му — Блоковскому — году я хотел подготовить несколько заметок. Одна из них — о восприятии известного блоковского доклада в санкт-петербургском Религиозно-философском обществе, о полемике вокруг доклада, о людях, присутствовавших на заседаниях.

Опубликованные материалы были мною обработаны — остались рукописи. Но тут выяснилось, что не только значительная часть документов, но и описи фондов таких видных деятелей общества, как Д.С. Мережковский и П.Б. Струве, не могут быть мне выданы — они «закрываются». То есть я даже не имею права знать, какие материалы в этих фондах содержатся.

В результате наполовину сделанную работу пришлось оставить, и, как записано в протоколе допроса одной из сотрудниц издания, куда я предлагал свои заметки о Блоке, «рукопись не была представлена в редакцию по неизвестным причинам». Причины, как видите, просты. Хорошо еще, что у меня сохранились выписки из описей с тех времен, вернее, с того периода, когда доступ к

материалам был полегче, — кое-что мне все-таки удалось выписать и получить, так что я хоть и не написал заметку, но что-то выяснил для себя.

Но что было бы, если бы я решил заняться какими-нибудь другими, не связанными с известными именами сюжетами из этой же предреволюционной эпохи? Земским движением, например, или провокаторами в революционной среде, например, или личностью последнего царя. Да мало ли чем еще? Ситуация, в которой я оказался бы, могла бы быть сравнима разве что с той нелегкой, совершенно карикатурной ситуацией, в которой нередко оказываются в наших архивах (мне самому приходилось это наблюдать) зарубежные историки, специалисты по России конца XIX — начала XX века. С «томленьем упования» мне пришлось бы ждать, принесут мне сегодня или нет заказанные накануне рукописи, и радоваться каждому выданному документу как неожиданно щедрому подарку. Ну а заинтересуйся я историей советского периода, все равно чем — нэпом, коллективизацией, военным коммунизмом или взаимоотношениями церкви и государства, — попытки мои получить доступ к соответствующим фондам будут здесь заведомо обречены на провал.

Еще раз уточняю: я говорю о себе и о таких, как я, — рядовых историках, работающих самостоятельно, то есть не связанных с планами и заданиями каких-либо «научных учреждений». Литературоведам и историкам искусства несколько легче. Но ненамного.

В нынешнем судебном заседании вряд ли имеет смысл обсуждать, для чего понадобилось создание искусственной и часто непреодолимой преграды между исследователем и документом, чем вызвана эта засекреченность (иначе не скажешь) документов русской истории, но одно, мне кажется, очевидно: следствием системы «ходатайств», системы «специального хранения», «особого хранения», «ограниченного пользования», системы произвольного решения архивными администраторами, что выдавать, а что не выдавать исследователю, — следствием всего этого является и сокращение работ, основанных на неопубликованных документах, и сужение круга изучаемых проблем, и отталкивание от науки людей, занимающихся ею независимо от утвержденных какими-либо инстанциями планов. И в конечном счете вся эта система мер по ограничению доступа к первоисточникам, к подлинной исторической информации создает удобную почву для неверного и даже намеренно извращенного истолкования русского исторического процесса. Система эта нуждается в изменении.

Я, конечно, не считаю, что в архив следует пускать каждого случайного человека или что рукописи следует выдавать человеку, не обладающему навыками работы с ними. Но это препятствие легко устранимо. Ходатайства можно заменить собеседованиями, в которых легко выяснится компетентность желающего попасть в архив.

Умению обращаться с рукописями также обучить нетрудно — для этого при архивах могут быть организованы специальные курсы. Кстати, это было бы полезно и 60 процентам профессиональных исследователей, с которыми я сталкивался в архивах.

Но что должно быть отменено решительно — это какие бы то ни было ограничения в выдаче материалов (кроме, конечно, особых случаев, перечислять которые сейчас нет нужды).

Ну а применительно к разбираемому уголовному делу — только эти перемены создадут условия, в которых не будет места ни ухищрениям при унижительном выпрашивании ходатайств для доступа в архивы, ни попыткам получить этот доступ при помощи подложных ходатайств. Исчезнет, следовательно, сама возможность выдвижения обвинений, аналогичных тем, которые предъявлены сейчас мне.

Мне кажется, что по этой последней причине именно данный суд должен обратить внимание Главного архивного управления и Министерства культуры, АН СССР, которым подчинено большинство архивов и рукописных отделов библиотек, на необходимость пересмотра некоторых пунктов правил, разработанных хранилищами рукописей для читателей. С просьбой сделать соответствующее представление я и обращаюсь к суду.

Еще одно. Я отдаю себе отчет в том, что арест, суд и заключение будут иметь самые серьезные последствия для моей судьбы как историка.

Наверное, возникнут еще большие трудности с публикациями. Признаки эти я обнаружил уже сейчас при ознакомлении с делом — в письме в прокуратуру заместителя директора Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) А.И. Иезуитова. Письмо, среди прочего, содержит перечень

статей, сданных мною в готовящийся институтом «Словарь русских писателей XVIII века», и заканчивается фразой: «при необходимости статьи Рогинского А.Б. могут быть изъяты из состава словаря». Какую необходимость имеет в виду Иезуитов, не очень ясно. Но готовность «принять меры» налицо. И вряд ли он единственный из руководителей «научных учреждений» так среагировал на мой арест.

Но трудности с публикациями, которых у меня, впрочем, и так немного, не стоят внимания в сравнении с другим: с возможным запрещением в будущем заниматься в библиотеках и архивах. Эта мера пресечения не предусмотрена в Уголовном кодексе, но боюсь, именно она станет тем довеском, который прибавит по собственной инициативе руководство этих «научных учреждений» к приговору сегодняшнего суда. Может показаться, что мои опасения преувеличены. Но я хорошо помню 1979 год, когда, уволенный из одной школы рабочей молодежи, я не мог устроиться ни в какую другую, хотя формально преподавательских прав лишен не был. Кто может поручиться, что сейчас, после исключения из числа читателей Публичной библиотеки и всего, что за этим последовало и последует, нечто подобное не произойдет и с другими библиотеками? Конечно, отстранить человека от занятий историей невозможно (не то что оторвать его от учеников), но все равно трудно представить что-нибудь более тяжелое и болезненное для меня, чем этот возможный запрет.

Есть и другая сторона в моих будущих отношениях с архивами и рукописными отделами библиотек. Удивительны готовность и быстрота, с которыми были представлены следствию архивами документы — справки о моей работе, листы использования рукописей, перечни всех материалов, мною изученных в архивах. Достаточно сравнить эту оперативность со сроками выполнения архивами, например, микрофильмированных копий, которые заказывают исследователи. Очень уважаемое учреждение — Географическое общество — занимается сбором материала обо мне и результат расследования пересылает в прокуратуру. Почтенный Саратовский университет тоже проявляет инициативу, отправляя в ответ на запрос Географического общества образцы почерка бывшего декана исторического факультета Герасименко. И это не вызывает ни у кого ни тени удивления.

Можно было бы продолжить разговор об этой ненаучной деятельности «научных учреждений». Скажу только, что разве не было бы естественным, если бы директор Публичной библиотеки вызвал бы для разъяснения своих недоумений меня — ведь я, будучи в течение 20 лет читателем библиотеки, кажется, имею на это право. Или ученый секретарь Географического общества, обнаружив мою фамилию в справочнике Академии наук СССР, далее обратился бы ко мне, а не в прокуратуру. Конечно, я понимаю, что Публичная библиотека — это не только начальник спецотдела Фейгин, а Географическое общество — не только ученый секретарь Сенчура, а Пушкинский Дом — не только заместитель директора Иезуитов, — я понимаю, что там работают и другие, очень достойные люди. Но мне все равно тяжело и неприятно будет посещать эти заведения.

<...>

Наконец, последнее. В приказе по Публичной библиотеке одним из мотивов лишения меня читательских прав была названа публикация без ведома отдела рукописей нескольких писем из архива Дома Плеханова в «иностранном издании». Я не припомню случая, да вряд ли и был таковой, чтобы аналогичная мера была применена к какому-нибудь автору несанкционированной публикации в советском журнале. Но такова логика дирекции Публичной библиотеки.

С такой же логикой я столкнулся на следствии. Хотя, казалось бы, для обвинения по 196-й статье УК РСФСР должны быть равно безразличны (или, может быть, равно интересны) и советские, и зарубежные публикации, но было очевидно, что именно зарубежные имеют для следствия какое-то особое значение. И вот еще раз я столкнулся с этой же логикой на суде, где свидетель Сенчура прямо указал, что ценность документа зависит от того, где он опубликован.

Достаточно сказать, что в предъявленном мне 10.11.1981, при закрытии дела, обвинении цель моих архивных занятий была определена как — цитирую — «публикация архивных документов в зарубежных изданиях», и только после моего замечания в формуле появилась вставка «и советских», перешедшая затем и в обвинительное заключение. Но при этом в Постановлении о передаче из моего «дела» в КГБ для — цитирую — «рассмотрения и принятия соответствующих мер» части материалов (сборника «Память», изданного в Нью-Йорке и переданного следствию

Управлением по охране гос. тайн в печати, тетради с выписками и несколько книг) формула сохранилась в прежнем виде — только «зарубежные издания». Попытке обосновать мою причастность к ним была, как известно, посвящена специальная экспертиза, да и на допросах этот сюжет был едва ли не основным.

Я не буду здесь, как, впрочем, и в любом другом месте, обсуждать вопрос, имел или нет я отношение к каким-либо публикациям исторических документов за рубежом. Я не стану говорить об этом вовсе не из-за стремления что-то скрыть. Просто для меня публикации в отечественных изданиях не противопоставлены публикациям за границей. Документ, точно воспроизведенный и беспристрастно откомментированный, остается документом вне зависимости от того, где и кем он опубликован, потому что существует единая русская культура, существуют исторические и литературные архивы, являющиеся достоянием этой культуры. И только свободное изучение этих архивов и свободная их публикация помогут нам узнать правду о нашем прошлом.

Таково мое отношение к основным вопросам, поднятым на суде.

Последнее. Мне хочется выразить чувство глубокой неловкости перед прошедшими в этом «деле» свидетелями, уважаемыми учеными и коллегами В.В. Пугачевым, Я.С. Лурье, Б.Ф. Егоровым, Л.И. Бучиной, Т.П. Матвеевой, С.А. Лурье.

Мне также больно за все то, что пришлось пережить в связи с этим делом человеку, которого я мало знаю лично, но очень уважаю, — бывшей заведующей ОР ГПБ И.Н. Курбатовой, которой я приношу — прошу ей это передать — свои глубочайшие сожаления.

Далее, благодарности друзьям, близким. Эти дни были праздником для меня, потому что я видел не праздную толпу, пришедшую на спектакль, а по-настоящему близкий мне круг людей.

Я прошу простить мне мою, возможно, не вполне вразумительную речь, но условия жизни, в которых я нахожусь в последнее время — 9 человек на 8 квадратных метров, — не способствуют сосредоточению мыслей.

Пожалуйста, не волнуйтесь за меня. Скоро мы сможем писать друг другу письма. И вообще, время быстро летит...

Последнее слово А. Б. Rogинского на суде приводится по тексту в «Хронике текущих событий» (№ 63) с дополнениями из более полной версии, опубликованной в «Архиве самиздата» (Материалы самиздата. 1982. Т. 1. № 4524).